

ГОВОРИ
КАК
ОБАМА

ГЛАВА 1

РЕЧЬ, С КОТОРОЙ ВСЕ НАЧАЛОСЬ

В день проведения национального съезда Демократической партии в 2004 г. Барак Обама вышел на сцену и взбудоражил программной речью всю Америку. Его выступление, признанное вдохновляющим и красноречивым, представляет собой ценный образец превосходных коммуникативных методов, к которым Обама обращается, чтобы придать своей речи убедительность, целеустремленность и четкость. На примере этой речи мы увидим, как совокупность содержания и стиля повышает эффективность и воздействие выступления.

В этой главе программная речь Обамы, произнесенная в 2004 г., представлена полностью. Она приведена с комментариями, касающимися некоторых жестов, интонации, акцентов и пауз, которые он использовал. Попробуем понять, чем объясняется шумный успех этого выступления.

► **Программная речь на национальном съезде
Демократической партии в 2004 г.** ◀

За несколько минут до выхода Барака Обамы на сцену сенатор от Иллинойса Дик Дурбин берет слово и поет ему дифирамбы перед слушателями в Бостоне и миллионами телезрителей. Сенатор называет Барака Обаму человеком, чья «жизнь прославляет возможности Америки... семья вселяет надежду на объединение страны... ценности пробуждают в нас веру в новое поколение...». Обама удостоивается похвал за «выдающийся талант объединять представителей самых разных кругов».

Барак Обама выходит на сцену очень бодрой, целеустремленной и уверенной походкой. Он сразу устанавливает зрительный контакт со слушателями, аплодирует вместе с ними. Так проявляются первые признаки взаимопонимания. Он простирает к аудитории руку с раскрытой ладонью, помахивает ею, а затем приветствует Дурбина дружескими объятиями, свидетельствующими о их крепкой дружбе и уважении между этими людьми. Под неутихающие аплодисменты Барак Обама занимает место за кафедрой, твердо ставит ноги, распрямляет плечи. Обеими руками он берется за края кафедры, завладевает ею — эта поза говорит об уверенности и авторитете. Подняв подбородок, Барак Обама приветствует слушателей легким поклоном, жестом признательности и благодарности. Аплодисменты продолжаются. Обама аккуратно кладет ладони на кафедру и скромно улыбается, словно черпая силу в энтузиазме собравшихся.

Когда, наконец, становится тихо, Обама благодарит сенатора Дурбина, потом переводит дыхание и звучным баритоном начинает программную речь на национальном съезде Демократической партии:

«От имени великого штата Иллинойс [зал аплодирует, глаза Обамы загораются гордостью при упоминании родного штата], земли Линкольна, перекрестка путей страны [пауза], позвольте мне выразить глубочайшую признательность за честь выступить на этом съезде. [Он простирает к слушателям обе руки, демонстрируя благодарность.]

Сегодняшнее выступление — особая честь для меня еще по одной причине: скажем прямо, мое появление на этой сцене было маловероятным. [Обама прикладывает ладонь к груди. Иронию судьбы он подчеркивает интонационно.] Мой отец был студентом-иностранцем, он родился и вырос в кенийской деревушке. В детстве он пас коз и ходил в школу, которая располагалась в хибарке под жестяной крышей. Его отец, мой дед, был поваром, слугой англичанина. [Чтобы подкрепить эти слова, он складывает щепотью пальцы правой руки.]

Но для сына мой дед лелеял большие мечты. [Обама поворачивает руки ладонями кверху, словно подчеркивая колоссальность этих мечтаний.] Тяжким трудом и упорством мой отец добился стипендии, чтобы получить образование в *чудесной* [курсив передает акцент] стране — Америке, которая сияла, как маяк свободы и возможностей для многих из тех, кто ранее устремлялся к ней. [Эмоциональная окраска его речи выражает гордость патриота и вызывает аплодисменты.]

Учась здесь, мой отец познакомился с моей матерью. Она родилась на другом конце света, в Канзасе. [Обама машет рукой, указывая, насколько это далеко. Он расцветает широкой улыбкой, повернувшись к группе слушателей, которые раздражаются радостными криками при слове «Канзас», и мягко помахивает им.] На протяжении почти всей Великой депрессии ее

отец работал на нефтяных скважинах и фермах. Через день после Пёрл-Харбора мой дед ушел в армию и под командованием Паттона маршем прошел через Европу. Тем временем дома моя бабушка одна растила ребенка и [акцент] работала на конвейере, где собирали бомбардировщики. После войны они учились по закону о льготах для ветеранов*, купили дом по программе Федерального управления жилищного строительства, а потом в поисках новых возможностей перебирались все дальше на запад — до самых Гавайских островов.

Они тоже мечтали о большом будущем для своей дочери. Это были мечты, общие для двух континентов. Моих родителей объединяла не только любовь, но и неизменная вера в возможности этой страны. [Обама произносит эти слова с гордостью и благоговением; его рука, протянутая к слушателям, олицетворяет объединяющий их трепет перед всем, что способны дать США.]

Родители дали мне африканское имя Барак, или «благословенный» [он прикладывает ладонь к сердцу], веря, что в толерантной [акцент] Америке [он складывает вместе пальцы правой руки] имя не является препятствием на пути к успеху. [Аплодисменты.] *Хотя они не были богатыми*, им представлялось, что я буду учиться в лучших учебных заведениях этой страны, потому что в щедрой Америке незачем быть богачом [он вскидывает обращенную к слушателям ладонь знаком «стоп», словно отвергая все представления о том, что богатство обязательно должно предшествовать успеху], чтобы реализовать свой потенциал.

---

* Этот закон, известный под названием *GI Bill*, был принят в 1944 г. и предусматривал различные льготы для участников Второй мировой войны. — *Примеч. пер.*

[Аплодисменты.] Их обоих уже нет в живых. Но я знаю, что в этот вечер они безмерно гордились бы мной.

Сегодня я стою здесь, исполнившись благодарности за разнообразие моего наследия, и знаю, что мечты моих родителей исполнят две мои дорогие дочери. [В его голосе звучит искренность.] Я стою здесь, зная, что моя история — часть большой американской истории [он простирает руку к слушателям, словно объединяясь с ними], что я в долгу перед теми, кто был до меня, и что в любой другой стране мира моя история была бы просто невозможна. [С этими словами он складывает пальцы вместе, его голос переполняется гордостью. Он делает паузу, когда некоторые слушатели встают, устраивая овацию.]

Сегодня мы собрались, чтобы подтвердить величие нашей страны, но не потому, что высоки наши небоскребы, сильна наша армия и развита наша экономика. Наша гордость опирается на очень простую предпосылку, выраженную в декларации более чем двухсотлетней давности: «Мы исходим из той истины, не требующей доказательств [он слегка повышает голос, старательно выговаривая эти патриотические слова, и складывает пальцы правой руки буквой «С», проводя ею перед собой, словно располагая слова в воздухе], что все люди созданы равными. [Аплодисменты.] И наделены их Творцом определенными неотъемлемыми правами. В том числе правом на жизнь, свободу и стремление к счастью».

Это [акцент] и есть истинный дух Америки [аплодисменты], вера в простые мечты, убежденность в малых чудесах. Чтобы мы могли укладывать детей спать по вечерам и знать, что они сыты, одеты и защищены. Чтобы мы могли говорить то, что думаем, писать то, что думаем, и не опасаться внезапного стука в дверь.

[Обама стучит в воображаемую дверь кулаком.] Чтобы мы могли, когда у нас возникнет идея, начать собственное дело, никому не давая взятку. Чтобы мы могли участвовать в политическом процессе, не боясь мести, чтобы наши голоса принимались во внимание — по крайней мере, в большинстве случаев. [Его голос понижается, тон становится неодобрительным — явный намек на спорные результаты президентских выборов 2000 г. Слушатели отзываются пренебрежительными смешками, разделяя его неодобрение.]

В этом году на этих выборах мы призваны вновь подтвердить наши ценности и наши обязательства, продемонстрировать верность им, несмотря на суровую реальность, увидеть, насколько мы соответствуем наследию наших предшественников и обещаниям будущим поколениям. Соотечественники, американцы — демократы, республиканцы, представители независимых партий, сегодня я говорю вам: нам предстоит сделать еще больше. [Обама подчеркивает эти слова, интонацией выделяет их, как поставленную задачу. Снова аплодисменты.] Больше сделать для тружеников, с которыми я встречался в Гейлсберге, Иллинойс. Эти члены профсоюза лишились работы на заводе компании *Maytag*, переведенном в Мексику, и теперь вынуждены конкурировать с собственными детьми, бороться за места, где платят семь долларов в час. [Его тон пронизан недовольством.] Сделать больше для отца семейства, с которым я встречался: он потерял работу и еле сдерживал слезы, гадая, как он теперь сможет платить 4500 долларов в месяц за лекарства, необходимые его сыну, и уже не рассчитывать на пособие. [Его тон выражает искреннее сочувствие.] Сделать больше для молодой женщины из восточного Сент-Луиса и тысяч подобных ей, у которых *есть*

необходимые баллы, есть стремление, есть желание [он разделяет эти слова небольшими паузами, придает им особую убедительность], но нет денег для учебы в колледже.

Но не поймите меня превратно. Люди, с которыми я встречаюсь в больших и малых городах, в закусных и офисных парках, не ждут, что правительство разрешит все их проблемы. Они знают, что должны упорно трудиться, чтобы двигаться вперед, и хотят этого. [Обама подчеркивает эти слова, складывает пальцы вместе, жестом выделяя свое заявление.] Побывайте в пяти округах, расположенных вокруг Чикаго, и услышите от местных жителей, что они не хотят, чтобы налоги, которые они платят, зря растрачивали организации социального обеспечения или *Пентагон*. [На последнем слове он повышает голос, напоминая о его негативных ассоциациях с войной в Ираке и вызывая реакцию у слушателей.] Поезжайте в ближайшие к центру районы любого города, и местные жители объяснят вам, что без поддержки правительство вряд ли выучит наших детей. Им известно, что в процессе обучения должны участвовать родители, что дети мало чего добьются, если мы не поднимем планку [движением руки вверх он показывает, как она поднимается], не выключим телевизоры и не искореним оскорбительную убежденность, будто молодой чернокожий с книгой предает культуру своих предков и подражает белым. [Он грозит пальцем, словно упрекая кого-то за эту убежденность.] Все это известно людям. [Бурные аплодисменты.] Они не ждут, что правительство разрешит все их проблемы. [Он поднимает вверх обращенную к слушателям ладонь, словно препятствуя подобным предположениям.] Однако они чувствуют *глубинным чутьем* [он рассекает

воздух некрепко сжатым кулаком], что даже при небольших изменениях в расстановке приоритетов [он делает пальцами правой руки такое движение, словно слегка поворачивает рукоятку, настраивает прибор] мы добьемся, чтобы каждый американский ребенок получил достойный старт и чтобы двери возможностей оставались распахнутыми для всех. *Им известно* [он складывает вместе пальцы, усиливая акцент, сделанный на этих словах], что мы способны на большее [краткая пауза], и они хотят иметь такой шанс.

На этих выборах [Обама поднимает вверх указательный палец, словно древко знамени] мы предлагаем его. Нашу партию возглавляет человек, олицетворяющий все лучшее, что может предложить эта страна. [В его голосе звучит гордость.] И этот человек — Джон Керри. [Его голос звучит твердо и решительно. Аплодисменты.] Джону Керри понятны идеалы общества, веры и служения, так как они определяют его жизнь. [Он складывает пальцы, придавая вес каждому слову.] Он всецело посвятил себя этой стране — сначала героически служил во Вьетнаме, затем работал прокурором и вице-губернатором и, наконец, два десятилетия избирался в сенат США. [Он поворачивает обе руки ладонями вверх, словно показывая подарок или подношение и тем самым делая акцент на преданности и службе Керри.] Вновь и вновь мы видели, как он принимает трудные решения, хотя имеет возможность ограничиться легкими. Его достоинства и заслуги свидетельствуют, что он лучший из нас. [Он меняет интонацию и повышает голос.]

Джон Керри верит в Америку, где вознаграждается упорный труд. Поэтому вместо того, чтобы сулить налоговые льготы компаниям, ищущим трудовые ресурсы за границей [Обама пренебрежительно

взмахивает рукой вправо], он предлагает те же льготы компаниям, создающим рабочие места здесь, в стране. [Обеими руками он делает движение влево, словно переносит некий предмет туда, где ему место, и дает понять, как высоко Керри ценит возможность сохранить рабочие места на родине. Аплодисменты.]

Джон Керри верит в Америку, где *все* [акцент] американцы могут позволить себе такое же медицинское обслуживание, каким пользуются наши политики в Вашингтоне. [Аплодисменты.] Джон Керри верит в энергетическую независимость, чтобы мы не становились заложниками нефтяных компаний, стремящихся увеличить прибыли [Обама обеими руками изображает знак протеста], или саботажа в зарубежной нефтедобывающей отрасли. [Аплодисменты.] Джон Керри верит в конституционные свободы, благодаря которым нашей стране завидует весь мир, и он никогда не пожертвует нашими основными правами и свободами, не станет пользоваться верой, словно клином, чтобы разделить нас. [Пауза для аплодисментов.] И кроме того, Джон Керри верит, что в нашем опасном мире порой приходится принимать решения о войне [он поднимает вверх указательный палец, подкрепляя важность этих слов], однако она ни в коем случае не должна быть *первым* [акцент] из этих решений. [Аплодисменты.]

Некоторое время назад в организации ветеранов зарубежных войн в Ист-Молине, Иллинойс, я познакомился с одним молодым человеком по имени Шеймас — симпатичным, славным, ростом около метра восьмидесяти пяти, с ясными глазами и непринужденной улыбкой [голос Обамы приобретает задумчивые интонации, в нем звучит восхищение]. Он сказал мне, что мобилизовался в морпехи и на следующей неделе уезжает в Ирак. Слушая, как он объясняет, по-

чему пошел в армию, как всецело верит в нашу страну и ее лидеров, как он предан своему долгу и службе, я думал, что любой из нас был бы рад видеть таким своего сына [эти слова он произносит с любовью и нежностью]. Но потом я задал себе вопрос: служим ли мы Шеймасу так же усердно, как он служит нам? Я задумался о 900 мужчинах и женщинах, сыновьях и дочерях, мужьях и женах, друзьях и соседях, которые не вернутся на родину. Я задумался о знакомых мне семьях, которые стараются свести концы с концами, лишившись заработка близкого человека, или поддержать любимого, который вернулся домой без конечности или с расшатанными нервами, но, как призванный из запаса, не имеет права на долгосрочное медицинское пособие. [В его голосе звучит разочарование. Аплодисменты.] Когда мы отправляем навстречу опасности наших молодых мужчин и женщин, наш священный долг [он прижимает ладонь к груди] — не подтасовывать цифры и факты [он вскидывает руку в стоп-сигнале] и не скрывать правду, а побереечь семьи тех, кого нет среди нас [он многозначительно поднимает указательный палец], позаботиться о самих солдатах после их возвращения и *никогда* [пауза], *ни в коем случае* [он заметно повышает голос] не вступать в войну, не имея достаточно войск, чтобы *одержать победу, сохранить мир и завоевать уважение всей планеты*. [Он подчеркивает эти слова, повышая голос на каждом. Слушатели встают, устраивая овацию.]

Итак, разрешите мне пояснить. [Обама поднимает вверх указательный палец.] В мире у нас есть настоящие враги. Этих врагов следует найти. [Он складывает вместе пальцы. Небольшая пауза придает значительность словам]. Их необходимо *преследовать* [жест подчеркивает важность этого преследования]

и одерживать над ними *победу* [он складывает пальцы, подчеркивая значимость этих слов.] И Джону Керри это известно. *Лейтенант* [акцент] Керри без колебаний рисковал жизнью, чтобы защитить своих товарищей во Вьетнаме, а *президент* [акцент] Керри *без малейших* [акцент] колебаний воспользуется нашей военной мощью ради защиты безопасности Америки. Джон Керри *верит* [акцент] в Америку. И он знает, что процветания лишь некоторых из нас недостаточно. [Он поднимает указательный палец.] Ибо наряду с нашим общеизвестным индивидуализмом в американской саге есть и другой ингредиент. [Его интонация указывает на скрытый в словах вызов.]

Это веравто, что все мы связаны как один народ. [Его голос наполняется задумчивой патриотической гордостью.] Если в Саутсайде, районе Чикаго, есть ребенок, не умеющий читать, это *важно для меня* [он прижимает ладонь к груди, подчеркивая эти проникновенные слова], даже если это не мой ребенок. [Обама произносит это так искренне, что вызывает аплодисменты.] Если где-то живет пожилой гражданин страны, который не в состоянии заплатить за прописанные ему лекарства и вынужден выбирать между платой за них и платой за жилье, моя жизнь становится беднее, даже если это не мой родственник. [Он бережно прикладывает ладонь к груди и снова вызывает аплодисменты.] Если некую семью американских арабов осудили потому, что у нее не хватило средств на адвоката или все полагающиеся процедуры [он повышает голос], это угроза для *моих* [акцент] гражданских свобод. [Он бьет себя кулаком в грудь, вызывая у слушателей громкие одобрительные возгласы, а затем делает паузу, пока звучат аплодисменты.] Благодаря фундаментальной вере в то, что *я сторож брату моему* [он вновь повышает голос,

в нем звучит осознание нравственной правоты, ладонь рубит воздух], *я сторож сестре моей* [он снова рассекает ладонью воздух, устанавливая зрительный контакт с другой частью слушателей в зале], успешно существует эта страна. [Аплодисменты.] Вот что позволяет каждому из нас стремиться к осуществлению личных целей и в то же время оставаться единой американской семьей [его голос звучит задумчиво]. *E pluribus unum*. [Он отчетливо выговаривает каждое слово, складывает пальцы правой руки буквой «С» и ведет ею перед собой, словно выстраивает слова в воздухе на виду у слушателей, а затем делает эффектную паузу.] «Из многих — единственное». [Он слегка понижает голос, заостряя внимание на переводе, складывает буквой «С» пальцы левой руки и проводит ею, словно размещая слова в воздухе.]

Даже теперь, во время этой речи, находятся те, кто готовится разделить нас, кто плетет паутину, разносит сплетни, не брезгует никакими методами. И я говорю им сегодня: не существует *либеральной* [акцент] Америки и *консервативной* Америки [он повышает голос, интонацией высмеивая подобные предположения] — есть *Соединенные Штаты Америки*. [Обама членораздельно выговаривает каждое слово — Со-единен-ные Шта-ты Аме-ри-ки — и водит пальцами так, словно записывает их. Аплодисменты.] Нет «*черной*» Америки [акцент] и «*белой*» Америки [акцент], Америки латиноамериканцев и Америки азиатов, — есть *Соединенные Штаты Америки*. [Он вновь старательно выговаривает эти слова, придавая им эффектное звучание. Аплодисменты.] Эксперты не прочь разделить нашу страну на «красные» и «синие» штаты. [Его голос становится насмешливым.] «Красные» — штаты республиканцев, «синие» — демократов. Но и

для этих специалистов у меня есть новости. [Он поднимает указательный палец, критикуя экспертов.] Мы поклоняемся *внушающему трепет* Господу [он подчеркивает эти слова, поднимая руки и повышая голос в знак божественного величия] в «синих» штатах и не любим, когда агенты федеральной службы суют нос в наши библиотеки в «красных» штатах. [Эффектными модуляциями он придает убедительность своим словам. Аплодисменты.] Мы тренируем команды малой лиги в «синих» штатах, и — да, в «красных» штатах у нас есть друзья-гомосексуалисты. [Аплодисменты.] Есть патриоты, которые выступили против войны в Ираке, и есть патриоты, поддержавшие войну в Ираке. Мы *единый* [акцент] народ, *все мы* [акцент] клянемся в верности звездно-полосатому флагу, *все мы* [акцент] защищаем [пауза] *Соединенные Штаты Америки*. [Он подкрепляет эти слова — Со-еди-нен-ные Шта-ты Аме-ри-ки — тем, что пишет их пальцами в воздухе. Аплодисменты. Вздурораженные слушатели начинают скандировать: «Обама! Обама!»]

В конечном итоге, для этого и существуют выборы. К чему мы причастны: к политике цинизма [он понижает голос, выражая неодобрение] или к политике надежды? [Обама повышает голос, в нем слышатся надежда и ожидание. Слушатели выкрикивают: «Надежды!», словно повторяют припев.] Джон Керри призывает нас к надежде. Джон Эдвардс призывает нас к надежде. Я говорю не о слепом оптимизме, почти умышленном неведении, считающем, что безработица исчезнет сама собой, если мы не станем думать о ней, или что кризис в здравоохранении разрешится без нашего участия, если игнорировать его. Речь не об этом. Я говорю о чем-то *более существенном* [акцент]. *Это надежда* [акцент] рабов, сидящих

вокруг костра и поющих о свободе; *надежда* [акцент] эмигрантов, устремляющихся к далеким берегам; *надежда* [акцент] молодого лейтенанта флота, смело патрулирующего дельту Меконга; *надежда* [акцент] сына фабричного рабочего, который осмелился бросить вызов судьбе; *надежда* [акцент] *тощего парнишки* [акцент] со смешным именем [он ударяет ладонью в грудь, указывая, что имеет в виду себя], который верит, что в Америке найдется место и для него. [Он протягивает к слушателям раскрытые ладони. Слушатели неистово выражают восхищение, аплодисменты продолжаются так долго, что Обама произносит еще две фразы, не дожидаясь тишины.] *Надежда* [акцент] перед лицом трудностей. [Он повышает голос, одобряя реакцию зала.] *Надежда* перед лицом неопределенности. [Голос продолжает повышаться.] *Смелость надежды!* [Его голос гремит.]

В конце концов, это величайший из даров Господа, предназначенных для нас, *краеугольный камень* [акцент] нации; *уверенность* [акцент] в невидимом; *вера* [акцент] в лучшее будущее. [В голосе Обамы слышится страсть.] *Я верю* [акцент], что мы можем облегчить ношу среднего класса и открыть рабочим семьям путь к широким возможностям. *Я верю* [акцент], что мы сможем обеспечить работой безработных, жильем бездомных, удержать молодежь крупных городов всей Америки от насилия и безысходности. *Я верю* [акцент], что в нашу спину дует ветер праведности и что мы, очутившись на перекрестке истории, сумеем сделать верный выбор и встретить предстоящие нам испытания. *Америка* [акцент]! Сегодня! [Нарастающее крещендо, его голос указывает, что слушателям брошен вызов.]

Если вы чувствуете *ту же энергию* [акцент], что и я, если ощущаете *ту же настоящую потребу*

ность [акцент], которую я ощущаю, если вы охвачены той же страстью [акцент], что и я, если вами движет та же надежда [акцент], которая движет мной, если мы сделаем то, что должны сделать, тогда у меня нет ни малейшего сомнения в том, что повсюду — от Флориды до Орегона [взмах руки в воздухе], от Вашингтона до Мэна [снова взмах, смена модуляций соответствует широте географического охвата — от побережья до побережья] — в ноябре поднимутся люди, Джон Керри примет присягу как президент, Джон Эдвардс — как вице-президент, и эта страна исполнит свое обещание: после продолжительного политического мрака наступит солнечный день.

Большое спасибо всем вам. [Он высоко поднимает руку и машет на прощание.] Да хранит вас Господь. [Воодушевленная аудитория разражается громом оваций, часть слушателей скандирует: «Обама! Обама!»]» [Курсив автора.]

В этой программной речи 2004 г. мы видим применение множества известных коммуникативных приемов, которые помогли Бараку Обаме стать одним из выдающихся ораторов нашего времени. Эта речь мгновенно удостоилась похвалы широкой публики и СМИ. «Одно из лучших [выступлений] за долгие годы... Он восходящая звезда», — провозглашал Вольф Блитцер. «Удачно, как только возможно... Этот человек обратился ко всей стране, выйдя за рамки программы демократов... Это потрясающе», — отмечал политический аналитик Джефф Гринфилд. Вскоре пресса назвала это выступление шедевром ораторского искусства. Многие выдающиеся коммуникативные приемы, которыми Обама воспользовался во время этого выступления, стоит рассмотреть более подробно.